

УДК 911.3(571.53)
<https://doi.org/10.26516/2073-3402.2024.49.3>

Неравномерность развития и типология муниципальных образований Иркутской области

Л. А. Безруков*

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, Россия

З. В. Абрамова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Представлены методики оценки неравномерности социально-экономического развития и типологии муниципальных образований (МО) Иркутской области. Предложена классификация МО по величине валового муниципального продукта (ВМП), слагающегося из суммы стоимостных объемов продукции четырех основных видов экономической деятельности: промышленности, сельского хозяйства, услуг, инвестиций в основной капитал. Разработана функциональная типология МО исходя из их специализации по основным оцененным видам деятельности, т. е. по доминированию в структуре ВМП добывающей промышленности, обрабатывающей промышленности, сферы услуг, сельского хозяйства, инвестиционного комплекса. Раскрыта методика оценки экономико-географического положения (ЭГП) МО как фактора их неравномерного развития, учитывающая две базовые составляющие ЭГП: центро-периферическое и транспортно-географическое. В результате оценки МО дифференцируются по степени благоприятности ЭГП на четыре категории: с наиболее благоприятным положением, относительно благоприятным, неблагоприятным, крайне благоприятным. Представлена оценка уровня социально-экономического благополучия МО на основе использования пяти ключевых индикаторов: среднемесячная заработная плата (с исключением районных коэффициентов и северных надбавок), величина собственного центра, уровень зарегистрированной безработицы, ввод в действие жилых домов, сальдо миграции. Установлено и объяснено распределение МО по четырем группам этого уровня: благополучная, относительно благополучная, стагнирующая, отсталая и депрессивная. Определено, что уровень социально-экономического благополучия МО на 42 % обусловлен величиной их ВМП и на 43 % – степенью благоприятности ЭГП.

Ключевые слова: муниципальные образования, неравномерность развития, валовой муниципальный продукт, функциональные типы, социально-экономическое благополучие, экономико-географическое положение.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-47-03004, <https://rscf.ru/project/24-47-03004/>

Для цитирования: Безруков Л. А., Абрамова З. В. Неравномерность развития и типология муниципальных образований Иркутской области // Известия Иркутского государственного университета. Серия Науки о Земле. 2024. Т. 49. С. 3–28. <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2024.49.3>

Uneven Development and Typology of Municipalities of the Irkutsk Region

L. A. Bezrukov*

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russian Federation

Z. V. Abramova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The methods of assessing the unevenness of socio-economic development and the typology of municipalities of the Irkutsk region are presented. The classification of municipalities by the size of the gross municipal product (GMP), which consists of the sum of the value volumes of four main types of economic activity: industrial products, agricultural products, services, investments in fixed assets, is proposed. All municipalities are classified into five classes: with a very large GMP, large, middle, small, and very small. The functional typology of municipalities was developed based on their specialization in the main assessed activities, that is, the dominance of extractive industries, manufacturing, services, agriculture, and the investment complex in the structure of the GMP. Accordingly, five functional types of municipalities are identified: resource-based, industrial, agricultural, service, investment; the presence of a sixth type –“regional center” is also justified. The methodology for assessing the economic and geographical position (EGP) of municipalities as a factor of their uneven development is revealed, taking into account two basic components of the EGP: central-peripheral and transport-geographical. As a result of the assessments municipalities are differentiated according to the degree of favorability of EGP into four categories: with the most favorable position, relatively favorable, unfavorable, extremely favorable. The assessment of the level of socio-economic well-being of municipalities is presented based on the use of five key indicators: average monthly salary wages (excluding regional coefficients and northern allowances), the size of its own center, the level of registered unemployment, the commissioning of residential buildings, and the balance of migration. The distribution of municipalities into four groups of this level has been established and explained: prosperous, relatively prosperous, stagnant, backward and depressed. It was determined that the level of socio-economic well-being of municipalities is 42 % is due to the value of their GMP and 43 % by the degree of favorability of EGP.

Keywords: municipalities, uneven development, gross municipal product, functional types, socio-economic well-being, economic and geographical location.

For citation: Bezrukov L.A., Abramova Z.V. Uneven Development and Typology of Municipalities of the Irkutsk Region. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Earth Sciences*, 2024, vol. 49, pp. 3-28. <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2024.49.3> (in Russian)

Введение

Анализ неравномерности социально-экономического развития стран и районов принадлежит к числу традиционных и важнейших задач классической экономической (или шире – общественной) географии. В современной России главные социально-экономические различия – это различия не между регионами, а внутри регионов, между их МО. Проблема заключается в чересчур большом разрыве уровней развития между центрами и глубинкой, а также в аномально быстром нарастании этого разрыва на постсоветском этапе. Между тем углубленное исследование неравномерности муниципального развития позволяет выявить причины возникновения и воспроизводства территориальной дифференциации, в том числе образования зон отсталости и застоя.

Цель настоящей работы заключается в комплексном изучении неравномерности социально-экономического развития на муниципальном уровне Иркутской области. Объектом исследования являются все 42 МО верхнего уровня – 10 городских округов и 32 муниципальных района. К основным задачам относятся следующие: классификация МО по величине ВМП, разработка функциональной типологии МО, оценка степени благоприятности их ЭГП и уровня социально-экономического благополучия, определение взаимосвязи между ключевыми интегральными показателями МО – величинами их ВМП, степенью благоприятности ЭГП, уровнем социально-экономического благополучия.

Актуальность данной тематики обусловлена тем обстоятельством, что, если вопросам межрегиональной дифференциации России посвящено множество публикаций, то муниципальному (внутрирегиональному) уровню повезло значительно меньше. Во многом это связано с более ограниченным набором имеющихся статистических данных по муниципальным образованиям по сравнению с информацией по субъектам РФ. В результате регионы и крупнейшие города остаются в нашей стране основным объектом исследований в этой сфере, тогда как контрасты и факторы неравномерного развития муниципальных образований – городских округов и муниципальных районов – изучены существенно меньше. Более широко представлен анализ социально-экономических процессов муниципального уровня в зарубежной научной литературе, особенно в западной, поскольку в Западной и Центральной Европе местное самоуправление существует уже несколько веков.

В изучении муниципального развития ведущую роль и в России, и за рубежом играют экономисты, а не экономико-географы, что отчасти обуславливает сравнительно узкую (главным образом экономическую) специализацию соответствующих научных исследований. К таким направлениям относятся, например, анализ бюджетных показателей и бюджетно-финансовой обеспеченности МО [Bailey, 1999; Serageldin, Jones, Vigier, 2008; Сумская, 2010; Держирукова, 2018; Kuznetsova, 2020; Tabata, 2021], оценка ВМП МО [Пуляевская, 2012; Колечков, 2014; Шарыбар, Шефель, Миненок, 2015], управление развитием МО [Глазырин, 2007; Вдовина, 2009; Coetzee, 2012; Каспшицкая, 2015; Dagbaeva, Mikhailova, 2017; Quality of government ... , 2022; Municipal Development Policy ... , 2023].

В то же время имеется значительное число экономических и экономико-географических публикаций, посвященных комплексной оценке социально-экономического развития МО и их типологиям [Markusen, 1996; Considering regional socio-economic ... , 2007; Суржииков 2014; Narasimova, 2015; Ромашина, 2019; Центры экономического роста ... , 2020; Development of municipal ... , 2021; Ourednicek, Nemeskal, 2022]. Другая интересная для географии проблематика связана с рассмотрением центрo-периферической дифференциации МО как одной из важнейших причин территориального неравенства [Руденко, 2008; Florida, 2012; Hertz, 2015; Malizia, Motoyama, 2016; Isaksen, Trippel, 2017; Нao, Yehua, 2019; Druzhinin, 2020]. Вместе с тем во многих случаях в таких работах характеризуется, как правило, какой-либо один тип му-

ниципалитетов: крупные города и агломерации, сельская местность, моногорода и т. д. К недостаткам ряда предлагаемых типологий МО следует отнести также слабое использование количественных показателей или неполное раскрытие методических вопросов.

Довольно широко распространена ситуация, когда комплексное целевое изучение неоднородности муниципального развития отсутствует, а сами МО применяются только как исходные территориальные (операциональные) единицы для анализа каких-либо отдельных социально-экономических явлений и процессов. Особо укажем на то обстоятельство, что при разработке муниципальной проблематики почти нет количественных оценок основных факторов, определяющих социально-экономическое благополучие муниципальных образований, прежде всего не выявлен в полной мере вклад географических факторов.

В итоге следует отметить определенные пробелы в рассматриваемой тематике и, соответственно, необходимость дальнейшего углубленного и комплексного изучения неравномерности и дифференциации социально-экономического развития на муниципальном уровне.

Материалы и методики исследования

Предложены следующие авторские методики: классификация МО по величине ВМП, функциональная типология МО, оценка степени благоприятности их ЭГП и уровня социально-экономического благополучия. Определение взаимосвязи между ключевыми интегральными показателями МО (величинами их ВМП, уровнем социально-экономического благополучия, степенью благоприятности ЭГП) осуществлено с помощью корреляционного анализа математической статистики.

Исходной статистической информацией служили главным образом данные интернет-портала Росстата «База данных показателей муниципальных образований» (БДПМО) за период 2019–2022 гг.¹ и сборников федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. При определении ЭГП МО применялись справочные данные по административно-территориальному делению и размещению городских поселений и районных центров относительно регионального центра (Иркутска) и железнодорожных станций [Иркутская ... , 1984]. Использовались также картографические материалы, отражающие расположение сети автомобильных и железных дорог, речных путей, а также расстояния между основными населенными пунктами [Карта автомобильных дорог, 2016].

Методика классификации МО по величине ВМП. Показатель ВМП, аналогичный показателям валового внутреннего продукта и валового регионального продукта, Росстатом не рассчитывается, хотя целесообразность этого существует. Под ВМП в общем случае понимается вновь созданная стоимость товаров и услуг, произведенных на территории МО, которая определяется как разница между выпуском продукции и промежуточным

¹ Федеральная служба государственной статистики: База данных показателей муниципальных образований. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 10.11.2023).

потреблением [Глазырин, 2007]. Считается, что обобщающий показатель ВМП адекватно отражает эффективность муниципальной экономики и результаты социально-экономического развития МО.

Общепринятой методики расчета ВМП в России нет. На практике различают три метода: факторной оценки, распределительного расчета, результирующий [Шарыбар, Шефель, Миненок, 2015]. Каждая из них имеет свои существенные преимущества и недостатки.

В нашем исследовании использован результирующий метод, так как он более прост при расчетах и имеет приемлемую (хотя и не всю необходимую) статистическую базу. Для оценки ВМП МО Иркутской области взяты имеющиеся данные Росстата за 2020 г. В качестве ВМП принят и рассчитан интегральный показатель, представляющий сумму стоимостных объемов продукции (товаров, услуг, работ) четырех основных составляющих: промышленности (объем отгруженной продукции собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами крупных и средних организаций по чистым видам промышленной деятельности); сельского хозяйства; услуг (оборот розничной торговли и объем платных услуг населению (без субъектов малого предпринимательства), оборот общественного питания); инвестиций в основной капитал (осуществляемых организациями, находящимися на территории МО (без субъектов малого предпринимательства)).

В связи с недостаточной информацией в структуре ВМП МО не учтены отдельные важные виды деятельности, прежде всего транспорт, образование, здравоохранение и др. Использование показателя инвестиций в основной капитал лишь частично замещает собой такой вид деятельности, как строительство. Тем не менее считаем, что рассчитанный по четырем составляющим интегральный показатель ВМП дает в принципиальных чертах вполне адекватное представление об уровне развития и структуре экономики МО.

Методика функциональной типологии МО. Ведущим признаком указанной типологии МО выбрана их специализация по основным оцененным видам экономической деятельности, которая определялась по доминированию в структуре ВМП добывающей промышленности, обрабатывающей промышленности, сферы услуг, сельского хозяйства, инвестиционного комплекса. Вместе с тем данный признак не имеет абсолютного значения, и в отдельных случаях допускались отклонения от общего правила, объясняемые с точки зрения научной логики.

Выделено пять функциональных типов МО: ресурсодобывающий (преобладание добывающей промышленности), индустриальный (обрабатывающей промышленности), аграрный (сельского хозяйства), сервисный (сферы услуг), инвестиционный (инвестиций в основной капитал). Дополнительно обосновано наличие шестого типа – региональный центр (Иркутск). При выделении функциональных типов использованы значения удельных весов видов деятельности в структуре ВМП. Если в этой структуре определенный вид деятельности составляет более 50 %, то оцениваемый МО однозначно принадлежит к соответствующему типу. Если в МО удельный вес главного вида деятельности находится в диапазоне 40–50 %, а вес следующего вида меньше, то такой МО также отнесен к типу по главному виду.

Исключением является формирование аграрного типа, у части МО которых преобладает сфера услуг, а не сельское хозяйство. Объединение подобных МО в аграрный тип обусловлено характерной для всех сельскохозяйственной деятельностью, очень малой величиной ВМП, сельским образом жизни населения. Данный тип дополнительно разделен на три подтипа: а) аграрно-сервисный (доля сельского хозяйства в ВМП более 40 %); б) сервисно-аграрный (доля сферы услуг более 35 %, сельского хозяйства меньше сферы услуг); в) аграрно-индустриальный (доля сельского хозяйства более 40 %, обрабатывающей промышленности более 30 %).

Методика оценки степени благоприятности ЭГП МО. Важным условием развития и функционирования МО следует считать экономико-географическое положение. Понятие ЭГП уже давно трактуется расширительно: это положение некоторого объекта по отношению к другим объектам, имеющим определенное значение – не только экономическое, но и социально-демографическое, управленческое, культурное, инновационное, сервисное, информационное и др. Преимуществом рассмотрения ЭГП МО является то обстоятельство, что данное положение выступает как базовый и относительно стабильный показатель, отражающий наиболее общие условия жизни и деятельности населения, которые сложились вследствие длительного развития и практически не могут быстро измениться в результате управленческих решений или в силу каких-то внешних обстоятельств [Ткаченко, Богданова, Щукина, 2005].

Остановимся на небольшом числе тех компонентов ЭГП, которые в соответствии с задачами и спецификой нашего исследования следует считать определяющими. Согласно предлагаемой методике, количественной (балльной) оценке подлежат две базовые составляющие ЭГП МО: 1) центро-периферическое положение (относительно региональных центров и субрегиональных центров – больших городов (от 100 тыс. чел)); 2) транспортно-географическое положение (относительно основных видов транспортных путей как круглогодичных (железные и автомобильные дороги), так и сезонных (речные пути и автозимники)). Принято условие относительной равнозначности обеих составляющих ЭГП.

Количественная оценка центро-периферического положения (ЦПП) МО обосновывается следующими обстоятельствами. Региональные центры по многим важным параметрам выделяются из общей массы других городов, так как концентрируют значительную часть всего демографического и экономического потенциала соответствующих регионов, являются местом размещения органов власти – городской, региональной и представительств федеральной, выступают центрами разнообразной сервисной экономики, главными очагами высшего образования, науки и культуры. В качестве субрегиональных центров (субцентров) рассматривались большие города с населением свыше 100 тыс. чел., которые частично выполняют функции самостоятельных центров, хотя имеют существенно меньшую значимость по сравнению с региональными столицами. При этом использовался известный принцип максимальной достигнутой людности [Ткаченко, Фомкина, 2014], озна-

чающий, что в расчет принимается не обязательно современная людность, а максимальная людность города, которую он имел на протяжении последних десятилетий. Смысл этого принципа заключается в том, что, теряя население, города сохраняют свой потенциал, притягательность и функции по контролю территории.

Иркутску как региональному центру присвоено максимальное значение балла – 20, его одноименному пригородному району – 17,5 баллов. С учетом рекомендаций других исследователей, изучавших изменение силы влияния региональных центров с удалением от них, в соответствии с положением относительно Иркутска выделены следующие варианты интервалов расстояний для центров МО: до 50 км от Иркутска по автодороге с твердым покрытием – 15 баллов; 50–120 км – 10 баллов; 120–300 км – 5 баллов; более 300 км – 2,5 балла; без связи по автодорогам с твердым покрытием (только воздушный транспорт) – 0 баллов.

Вышеуказанным требованиям к субцентрам отвечают четыре города области – Братск, Ангарск, Усть-Илимск и Усолье-Сибирское, получившие по 10 баллов. Зоны влияния субцентров намного меньше, чем аналогичные зоны региональных столиц. В соответствии с положением относительно субцентров для центров МО выделены следующие варианты: до 30 км от субцентра по автодороге с твердым покрытием – 7,5 баллов; 30–80 км – 5 баллов; более 80 км – 0 баллов. В распространенных случаях, когда субцентр (городской округ) служит одновременно центром муниципального района (обычно одноименного), данному району присваивается балл, равный 7,5. Когда зоны влияния региональной столицы и субцентра перекрываются, то для таких МО берется наивысшее значение балла.

При оценке транспортно-географического положения (ТПГ) центров МО учитывались железные дороги общего пользования, автомобильные дороги с твердым покрытием (федерального, регионального и местного значения), внутренние водные (речные) пути (магистральные, местные, малые), автозимники. Применялись рекомендуемые фиксированные размеры полос непосредственного обслуживания видами транспорта: для железных дорог – 20 км в обе стороны, для автомобильных и речных – 10 км [Каючкин, 2003; Безруков, 2011]. Оценка проведена с помощью определения расположения относительно указанных видов транспортных путей каждого из имеющихся центров МО.

В российских условиях самые дешевые и регулярные перевозки грузов и пассажиров характерны для всепогодного железнодорожного транспорта. В зависимости от интенсивности перевозок и значимости железнодорожных линий все они дифференцированы на три категории. К основным транзитным магистралям с максимальной провозной способностью относится Транссиб, расположение на котором имеет наивысший балл – 10. Существенно меньшей провозной способностью обладает БАМ – 8 баллов. Остальные железнодорожные линии области являются тупиковыми (Хребтовая – Усть-Илимск, Черемхово – Свирск и др.) – 6 баллов.

Автомобильные дороги подразделены также на три класса в соответствии с их технической оборудованностью и регулярностью движения. Рас-

положение на федеральных и региональных автодорогах с твердым покрытием (круглогодичных) получило 5 баллов, на местных автодорогах с твердым покрытием (круглогодичных и условно-круглогодичных) – 3 балла, на сезонных зимниках – 1,5 балла.

С учетом имеющихся воднотранспортных классификаций [Bezrukov, Dashpilov, 2010] выделены категории внутренних водных путей в зависимости от гарантированных глубин судового хода и продолжительности навигации. Расположение на магистральных путях (Ангара с водохранилищами, оз. Байкал, Лена ниже Усть-Кута) получило 2 балла, на прочих – 1 балл. Поскольку транспортное значение Ангары и оз. Байкал существенно снижается вследствие отсутствия сквозного транзитного судоходства из-за «глухих» плотин ГЭС без судопропускных устройств, то баллы при расположении на таких путях снижены в 2 раза – до 1 балла.

После оценки ТПП центров МО относительно этих центров определено положение населенных пунктов муниципальных районов (для городских округов данная операция не требуется). Для этого использован показатель доли населения районов в пунктах без регулярного автомобильного и железнодорожного сообщения с центром МО. Произведение указанной доли на балл ТПП центра муниципального района означает величину, на которую уменьшается этот балл, а разность между баллом ТПП центра и величиной уменьшения дает итоговый балл ТПП района. Подавляющая часть населенных пунктов районов имеет регулярное сообщение со своими центрами, в связи с чем осязаемое ухудшение ТПП характерно лишь для небольшого числа районов (например, балл ТПП самого северного района области – Катангского – уменьшается по сравнению с баллом его центра Ербогачёном в 1,7 раза).

Сумма баллов ЦПП и ТПП дает итоговую оценку степени благоприятности ЭПП МО области.

Методика оценки уровня социально-экономического благополучия МО. В исследованиях дифференциации социально-экономического развития и благополучия МО обычно оперируют большим количеством показателей, объединяемых затем в блоки, на основе которых формируется рейтинг муниципалитетов. Представляется, что можно ограничиться небольшим количеством информативных индикаторов, имеющих относительно интегральный характер.

В настоящей работе уровень социально-экономического благополучия МО оценивается на основе анализа пяти следующих относительных и абсолютных показателей: очищенная заработная плата с исключением районных коэффициентов и северных надбавок (в рублях), величина собственного центра (тыс. чел.), уровень зарегистрированной безработицы (в % к трудоспособному населению), ввод в действие жилых домов (на 1000 человек, м² общей площади), сальдо миграции (в ‰). Указанные статистические данные взяты за период 2019–2022 гг., что необходимо для осреднения скачков показателей в отдельные годы. В данном случае наиболее резкие скачки были связаны с катастрофическим наводнением в Тулуне, Тулун-

ском и Нижнеудинском районах (2019 г.), распространением коронавирусной инфекции (2020–2021 гг.).

Важным синтетическим индикатором социально-экономической успешности МО, отражающим как стабильность и прибыльность работы экономики, так и уровень жизни населения, является среднемесячная номинальная начисленная заработная плата. В расчетах используется заработная плата, очищенная от районных коэффициентов и северных надбавок, поскольку они только компенсируют удорожание жизни населения. Суммы коэффициентов и надбавок следующие: единственный район Крайнего Севера (Катангский) – 2,5; пять МО, приравненных к районам Крайнего Севера (Усть-Кутский, Бодайбинский, Мамско-Чуйский, Киренский и Казачинско-Ленский) – 2,2; г. Усть-Илимск, Нижнеилимский и Усть-Илимский р-ны – 2,1; Братский р-н и г. Братск – 1,9; все остальные (южные) районы – 1,6.

Использование индикатора «величина собственного центра», т. е. людность центра МО, позволяет учесть влияние на социально-экономическое состояние муниципалитета особенностей местной системы расселения, прежде всего наличие городов различной величины. Как известно, крупные города (и высокая степень урбанизации) повышают уровень социально-экономического благополучия МО и, соответственно, наоборот.

Уровень зарегистрированной безработицы является базовым показателем, характеризующим и социальное благополучие, и стабильность экономики. Если количество безработных слишком велико или, наоборот, слишком мало, то это становится препятствием для экономического роста МО.

Ввод в действие жилых домов характеризует в целом степень благоприятности МО для проживания населения в настоящее время и обозримой перспективе, отражает уровень жизни и потребления населения. Влияние других причин ввода жилья (например, реализация государственных программ по переселению граждан) носит более частный характер.

Сальдо миграции как баланс между числом прибывших и выбывших лиц, отражая результаты миграционного движения населения, говорит о степени благоприятности МО для его проживания с точки зрения социально-экономических условий. В общем случае люди покидают МО с низким уровнем жизни и переезжают в места с более высоким уровнем, где лучше социально-экономические условия (больше доходы населения, ниже безработица, выше обеспеченность жильем и т. д.).

По каждому рассмотренному индикатору произведено ранжирование всех 42 МО Иркутской области за 2019, 2020, 2021 и 2022 гг., затем рассчитаны средние величины рангов за этот период по каждому индикатору и определены суммарные ранги МО по пяти индикаторам вместе. Ранжирование осуществлено от худших МО к лучшим.

Результаты исследования

Классификация МО по величине ВМП. Рассчитанный суммарный объем ВМП МО Иркутской области в 2020 г. составил 2006 млрд руб. В его структуре наибольший удельный вес имеет промышленность – 57,6 %, второе место занимают услуги – 23,1 %, далее идут инвестиции в основной ка-

питал – 16,0 %, наименьший вес характерен для сельского хозяйства – 3,3 %. Отмечается исключительно высокая степень концентрации ВМП в небольшом числе МО: так, почти 60 % ВМП региона приходится на четыре МО – города Иркутск и Братск, Усть-Кутский и Катангский р-ны.

Исходя из величины ВМП, все МО области отнесены к пяти классам: с очень большим ВМП, большим, средним, малым, очень малым (рис. 1). В класс с очень большим ВМП (более 100 млрд руб.) входит шесть МО: во-первых, мощные индустриальные центры (самые значительные города региона) – Иркутск, Братск и Ангарск; во-вторых, главные ресурсодобывающие северные районы – Усть-Кутский и Катангский (добыча нефти), Бодайбинский (добыча золота). В структуре их ВМП безраздельно доминирует промышленность и заметную долю занимают инвестиции. Исключением является Иркутск как региональный центр, у которого доля услуг (сервисного сектора) немного превышает долю промышленности.

Класс с большим ВМП (50–100 млрд руб.) состоит из двух МО, основу экономики которых представляют крупные градообразующие предприятия обрабатывающей промышленности – целлюлозно-бумажной (Усть-Илимск) и алюминиевой (Шелеховский р-н). Более разнороден класс со средним ВМП (20–50 млрд руб.), к которому относится восемь МО. Большинство их имеет относительно развитую промышленность – обрабатывающую (Саянск и Усолье-Сибирское) и добывающую (Жигаловский, Киренский и Нижнеилимский р-ны); часть МО отличается весомыми инвестициями (Тайшетский р-н); передовым аграрно-индустриальным сектором (Усольский р-н); продвинутой сферой услуг (пригородный Иркутский р-н).

К классу с малым ВМП (10–20 млрд руб.) принадлежит шесть МО – Черемхово, Братский, Казачинско-Ленский, Нижнеудинский, Тулунский и Черемховский р-ны. В класс с очень малым ВМП (менее 10 млрд руб.) входят все остальные 20 МО: города – Тулун, Свирск и Зима; районы – Аларский, Баяндаевский, Боханский, Нукутский, Осинский, Эхирит-Булагатский, Чунский, Усть-Удинский, Усть-Илимский, Слюдянский, Ольхонский, Мамско-Чуйский, Куйтунский, Качугский, Зиминский, Заларинский, Балаганский. В экономике муниципальных районов с малым и очень малым ВМП основную роль играет преимущественно сельское хозяйство.

Функциональная типология МО. Шесть выделенных типов МО имеют принципиально различную значимость в экономике Иркутской области. Ведущую роль ожидаемо играют региональный центр, ресурсодобывающий и индустриальный типы МО, что подтверждает ярко выраженную промышленную специализацию региона с ориентацией на добычу сырья и производство полуфабрикатов (табл. 1). Доля каждого из этих типов превышает $\frac{1}{4}$ общего объема ВМП области, достигая в сумме 87,9 %. Намного меньшей значимостью характеризуется сервисный, аграрный и инвестиционный типы МО, на которые вместе приходится всего лишь 12,1 % ВМП, хотя количество их МО (24) превышает количество МО ведущих типов (18).

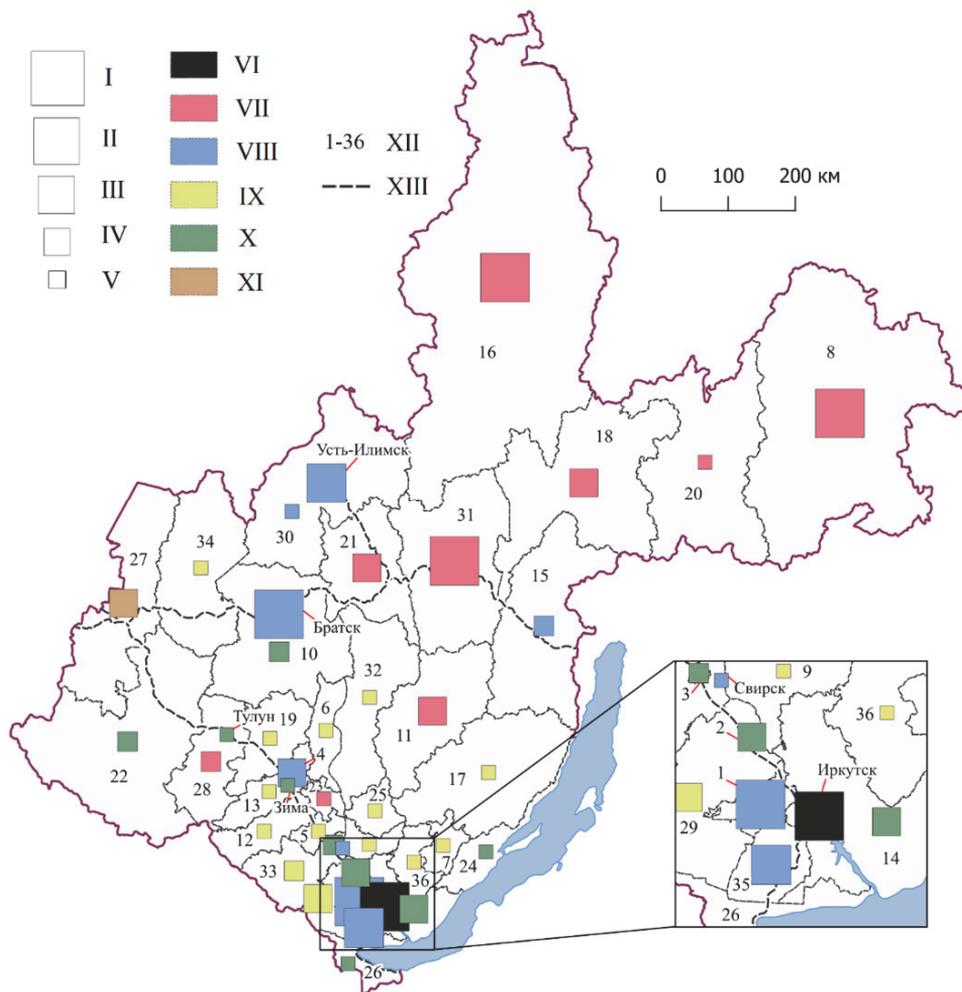

Рис. 1. Классы муниципальных образований Иркутской области по величине валового муниципального продукта и их функциональные типы в 2020 г. Классы (млрд руб.): I – очень большой (более 100), II – большой (50–100), III – средний (20–50), IV – малый (10–20), V – очень малый (менее 10). Функциональные типы: VI – региональный центр, VII – ресурсодобывающий, VIII – индустриальный, IX – аграрный, X – сервисный, XI – инвестиционный. XII – муниципальные образования: городские округа (1 – Ангарск, 2 – Усолье-Сибирское, 3 – Черемхово; 4 – Саянск); муниципальные районы (5 – Аларский, 6 – Балаганский, 7 – Баяндаевский, 8 – Бодайбинский, 9 – Боханский, 10 – Братский, 11 – Жигаловский, 12 – Заларинский, 13 – Зиминский, 14 – Иркутский, 15 – Казачинско-Ленский, 16 – Катангский, 17 – Качугский, 18 – Киренский, 19 – Куйтунский, 20 – Мамско-Чуйский, 21 – Нижнеилимский, 22 – Нижнеудинский, 23 – Нукутский, 24 – Ольхонский, 25 – Осинский, 26 – Слюдянский, 27 – Тайшетский, 28 – Тулунский, 29 – Усольский, 30 – Усть-Илимский, 31 – Усть-Кутский, 32 – Усть-Удинский, 33 – Черемховский, 34 – Чунский, 35 – Шелеховский, 36 – Эхирит-Булагатский). XIII – железные дороги

Таблица 1

Удельный вес типов МО в суммарном объеме ВМП Иркутской области в 2020 г.

№	Типы МО	ВМП		Количество МО	ВМП в среднем на 1 МО, млрд руб.
		млрд руб.	%		
1	Региональный центр	566,6	28,3	1	566,7
2	Ресурсодобывающий	664,8	33,1	9	73,9
3	Индустриальный	532,0	26,5	8	66,5
4	Аграрный	93,4	4,7	14	6,7
5	Сервисный	108,6	5,4	9	12,1
6	Инвестиционный	40,6	2,0	1	40,6
ВСЕГО		2006,0	100	42	47,8

Межмуниципальная типологическая дифференциация наглядно проявляется также в различиях средних величин ВМП по типам МО. Вполне логично, что наибольшее значение ВМП отмечается у регионального центра, за которым с большим отрывом следуют МО ресурсодобывающего, индустриального и инвестиционного типов, а наименьшие средние значения ВМП характерны для МО сервисного и аграрного типов. Если средний МО аграрного типа взять за 1, то МО сервисного типа будет больше его в среднем в 1,8 раза, инвестиционного типа – в 6,1 раз, индустриального типа – в 9,9 раз, ресурсодобывающего типа – в 11 раз, регионального центра – в 84,6 раза.

К типу региональный центр относится Иркутск, который резко отличается от всех остальных МО области многоотраслевой экономикой, имеющей максимально широкий набор развитых функций – административно-управленческих, промышленных, транспортно-логистических, банковско-финансовых, торгово-распределительных и сервисных, образовательных, культурных, научных и др.

Ресурсодобывающий тип формируется при наличии на территории МО крупной ресурсно-сырьевой базы как основы добычи полезных ископаемых. К этому типу относятся девять следующих районов: Бодайбинский (добыча золота), Жигаловский (добыча газа), Катангский (добыча нефти), Киренский (добыча нефти), Мамско-Чуйский (добыча слюды-мусковита), Нижнеилимский (добыча железной руды), Тулунский (добыча бурого угля), Усть-Кутский (добыча нефти, газа и газоконденсата), Нукутский (добыча гипса). Доминирование добывающей промышленности в структуре ВМП – более 80 % – особенно резко выражено в Бодайбинском, Жигаловском, Катангском и Киренском р-нах.

К индустриальному типу принадлежит восемь МО с высокой долей в ВМП обрабатывающей промышленности (включая электроэнергетику). В этот тип входят крупнейшие промышленные центры области – города Братск (лесопромышленный комплекс, алюминиевый завод, ГЭС и др.), Ангарск (нефтехимический и электролизно-химический комбинаты, химические производства и др.) и Усть-Илимск (лесопромышленный комплекс, ГЭС и др.). Крупным производителем поливинилхлорида является Саянск (предприятие «Саянскхимпласт»), алюминия – Шелеховский р-н (алюминиевый завод в Шелехове). Меньшие объемы производства характерны для Свирска (произ-

водство аккумуляторных батарей, деревообработка), Казачинско-Ленский и Усть-Илимский р-ны (деревообработка). Доля обрабатывающей промышленности наиболее высока – 65–82 % – в Шелеховском р-не, Свирске, Саянске и Братске.

Аграрный тип образуют 14 МО, отличающихся сельским образом жизни населения и, как правило, очень малой величиной ВМП, в структуре которого в большинстве случаев преобладает сельское хозяйство. К аграрно-сервисному подтипу принадлежат Аларский, Баяндаевский, Боханский, Зиминский, Куйтунский, Осинский, Усть-Удинский и Черемховский р-ны; к сервисно-аграрному – Балаганский, Заларинский, Качугский, Чунский и Эхирит-Булагатский р-ны; к аграрно-индустриальному – Усольский р-н (за счет крупных аграрных предприятий индустриального типа по производству свиноводческой и птицеводческой продукции). В структуре ВМП доля сельского хозяйства превышает половину в Баяндаевском, Аларском, Зиминском, Осинском и Куйтунском р-нах.

В сервисном типе, куда входят девять МО, в структуре ВМП преобладает сфера услуг, хотя это не всегда говорит об ее развитости. Так, города Усолье-Сибирское, Тулун, Черемхово и Зима, отчасти Нижнеудинский и Слюдянский р-ны ранее можно было отнести, скорее, к индустриальному типу, но на постсоветском этапе они во многом утратили свою промышленную специализацию из-за ликвидации или резкого сокращения объемов продукции целого ряда промышленных предприятий. В итоге в структуре их экономики доля сервисных отраслей возросла и стала доминирующей. Ольхонский район ранее был чисто аграрным, сейчас ситуация изменилась в связи с развитием туристического кластера на побережье оз. Байкал. Более органична принадлежность к сервисному типу пригородных Иркутского и Братского р-нов. Доля сферы услуг наиболее высока – 60–75 % – в Тулуне, Зиме и Усолье-Сибирском, а также в Слюдянском р-не.

Инвестиционный тип представлен единственным МО – Тайшетским р-ном, вошедшим в данный тип за счет значительных инвестиций в строительство крупного алюминиевого завода и анодной фабрики вблизи Тайшета. В структуре ВМП доля инвестиций в основной капитал превышает половину (51,9 %).

Степень благоприятности ЭГП МО. Согласно принятой методике, наиболее благоприятным ЭГП (баллы 30 и выше) отличаются МО Иркутской городской агломерации – региональный центр Иркутск и окружающие его районы и города (Иркутский и Шелеховский р-ны, Ангарск) (рис. 2). Относительно благоприятное ЭГП (от 15 до 29,9 баллов) имеют все прижелезнодорожные МО. Неблагоприятное ЭГП (от 5 до 14,9 баллов) характерно для МО, удаленных от регионального центра и лишенных железных дорог (Бодайбинский, Киренский, Жигаловский, Качугский, Баяндаевский, Боханский, Осинский, Эхирит-Булагатский, Ольхонский, Балаганский и Усть-Удинский р-ны). При этом крайне неблагоприятное ЭГП (менее 5 баллов) отмечается у самых северных МО, не имеющих к тому же и круглогодичных автодорог (Катангский и Мамско-Чуйский р-ны).

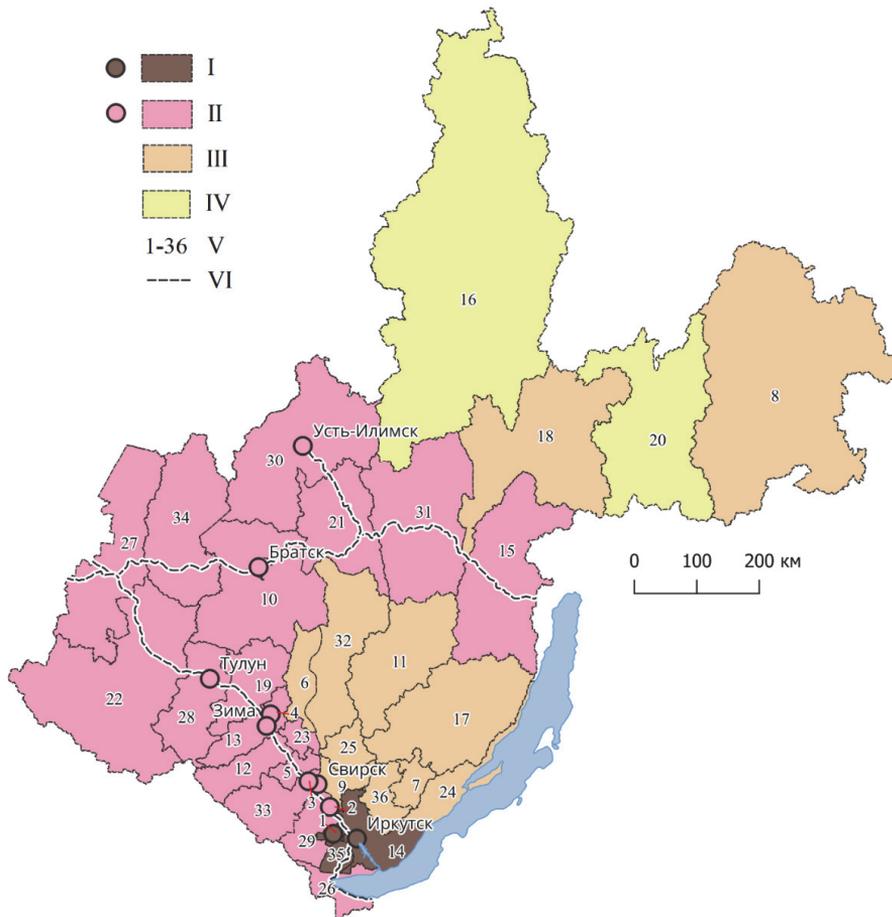

Рис. 2. Степень благоприятности экономико-географического положения (ЭГП) муниципальных образований Иркутской области. Степень благоприятности ЭГП (баллы): I – наиболее благоприятное (более 30), II – относительно благоприятное (15–29,9), III – неблагоприятное (5–14,9), IV – крайне неблагоприятное (менее 5), V – муниципальные образования (обозначения см. на рис. 1), VI – железные дороги

Уровень социально-экономического благополучия МО. По оцененным индикаторам целесообразно дать краткие пояснения.

Самые высокие значения очищенной заработной платы в 2019–2022 гг. наблюдались в основных ресурсодобывающих районах – Бодайбинском, Жигаловском, Катангском и Усть-Кутском, а также в Иркутске. Самые низкие значения характерны для Свирска и аграрных районов – Зиминского, Куйтунского, Боханского, Баяндаевского, Осинского и др. Однако высокая оплата труда в ресурсодобывающих районах вовсе не означает, что такие большие деньги получает именно местное население. Высокооплачиваемая добыча полезных ископаемых ведется преимущественно приезжими вахтовиками, которые вывозят свои доходы в другие регионы страны (т. е. в места постоянного проживания). В то же время местные жители заняты обычно в иных, менее рентабельных видах деятельности.

Диапазон индикатора «величина собственного центра» исключительно широк: в 2022 г. он изменялся от 614,3 тыс. чел. (Иркутск) до 1,9 тыс. чел. (с. Ербогачён – центр Катангского р-на). Возможности влияния центров различной величины на социально-экономическое благополучие подшефных МО принципиально различны. Так, потенциал главных городов региона – Иркутска (более 600 тыс. чел.), Братска и Ангарска (более 200 тыс. чел. каждый) – намного превышает потенциал тех МО, центры которых не дотягивают до людности 5 тыс. чел. (Катангский, Мамско-Чуйский, Казачинско-Ленский, Баяндаевский, Балаганский и Усть-Удинский р-ны).

Самые низкие значения уровня зарегистрированной безработицы (ниже 0,5–0,7 %) отмечались в 2019–2022 гг. в больших городах – Иркутске, Ангарске и Братске, а также в Саянске, Тулуне и Бодайбинском р-не. Наиболее высокий уровень безработицы (до 3–4,5 %) показали МО различных функциональных типов: ресурсодобывающие (Киренский, Мамско-Чуйский и Тулунский), аграрные (Зиминский и Баяндаевский), индустриальные (Свирск). Резкое повышение данного уровня – в большинстве МО рост в 1,5–3 раза – произошло в 2020 г., что связано, очевидно, с распространением коронавирусной инфекции COVID-19, нанесшим большой урон занятости в сфере малого и среднего бизнеса.

Максимальные удельные значения ввода в действие жилых домов за рассматриваемый период наблюдались в Иркутском и Шелеховском р-нах, Тулуне и Иркутске, Баяндаевском, Эхирит-Булагатском и Ольхонском р-нах. При разнообразии функциональных типов этих МО каждый из них имеет веские причины лидерства в жилищном строительстве. Для пригородных Иркутского, Шелеховского и отчасти Эхирит-Булагатского р-нов сказывается близость к региональному центру. При этом ввод жилья в Иркутском р-не означает фактически его увеличение в самом Иркутске, в пределах которого новая жилая застройка по ряду причин ограничивается. Самое массовое жилищное строительство характерно именно для Иркутского р-на: его объемы (3270–4490 м² на 1000 чел.) в несколько раз превышают аналогичные объемы следующего за ним МО (690–1300 м² на 1000 чел.). Более локальные факторы определили повышенные показатели Тулуна и Ольхонского р-на: в первом случае – это ликвидация последствий катастрофического наводнения 2019 г. за счет ввода новых жилых домов, во втором – интенсивное развитие туризма на побережье оз. Байкал. Показатели Баяндаевского р-на в значительной мере обусловлены, видимо, эффектом низкой численности населения. Минимальными значениями ввода в действие жилых домов отличались, с одной стороны, северные МО (Мамско-Чуйский, Нижнеилимский, Братский р-ны и Усть-Илимск), с другой стороны, отдельные аграрные районы (Качугский, Балаганский и Усть-Удинский) и Свирск, причем в депрессивном Мамско-Чуйском р-не ввод жилья полностью отсутствовал.

Положительное сальдо миграции за весь период 2019–2022 гг. наблюдалось лишь в небольшом числе МО – в Иркутском, Эхирит-Булагатском, Аларском, Ольхонском р-нах и Саянске. Свирск, Шелеховский и Слюдянский районы сменили положительное сальдо на отрицательное в 2022 г. Важно

отметить, что подавляющая часть миграционного прироста в абсолютном выражении приходится на Иркутский р-н: его доля среди МО с положительным сальдо в 2022 г. составляла 77,2 %, что, конечно, говорит о притягательности для населения самого регионального центра. Наибольшие значения отрицательного сальдо миграции – более 10 % – характерны для трех групп МО: первая из них представлена северными, преимущественно ресурсодобывающими (Мамско-Чуйский, Бодайбинский и Катангский) и частично индустриальными (Усть-Илимский) районами; вторая группа состоит из аграрных районов (Зиминский, Куйтунский, Чунский); третья – из МО, пострадавших от катастрофического наводнения 2019 г. (Тулун, Тулунский и Нижнеудинский р-ны).

На основе рассчитанных суммарных рангов МО установлено их распределение по четырем группам различного уровня социально-экономического благополучия: 1) благополучная (ранг более 150), 2) относительно благополучная (115–150), 3) стагнирующая (90–115), 4) отсталая и депрессивная (менее 90) (табл. 2, рис. 3). Данная дифференциация во многом объяснима как уровнем развития и структурой экономики городов и районов, так и их ЭГП, т. е. положением относительно крупнейших центров и транспортных магистралей (главным образом железных дорог).

Таблица 2

Группы муниципальных образований Иркутской области по уровню социально-экономического благополучия за период 2019–2022 гг.

№	Муниципальные образования	Ранг
1	г. Иркутск	181,4
2	Иркутское районное МО	168,6
3	Ангарский район	154,5
4	Шелеховский район	151,1
5	Слюдянский район	146,8
6	Усольский район	146,6
7	МО г. Братска	143,4
8	г. Саянск	143,0
9	МО г. Бодайбо и района	135,0
10	Усть-Кутский район	131,4
11	Тайшетский район	127,5
12	г. Тулун	125,4
13	Нижнеудинский район	124,1
14	Эхирит-Булагатский район	119,9
15	Жигаловский район	118,8
16	г. Черемхово	116,6
17	Осинский район	116,6
18	г. Усолье-Сибирское	116,1
19	Усть-Илимский район	110,4
20	г. Усть-Илимск	107,6
21	Заларинский район	106,8
22	Зиминское городское МО	105,8
23	Аларский район	103,5
24	Ольхонское районное МО	99,8
25	Боханский район	95,9
26	Братский район	95,1

Окончание табл. 2

№	Муниципальные образования	Ранг
27	Нижнеилимский район	94,9
28	Киренский район	94,1
29	Черемховское районное МО	92,9
30	Нукутский район	91,8
31	Казачинско-Ленский район	87,5
32	Балаганский район	86,8
33	Качугский район	83,3
34	Баяндаевский район	82,6
35	Катангский район	79,9
36	Тулунский район	74,8
37	Чунское районное МО	68,5
38	г. Свирск	67,4
39	Усть-Удинский район	66,0
40	Зиминский район	64,3
41	Куйтунский район	51,6
42	МО Мамско-Чуйского района	37,4

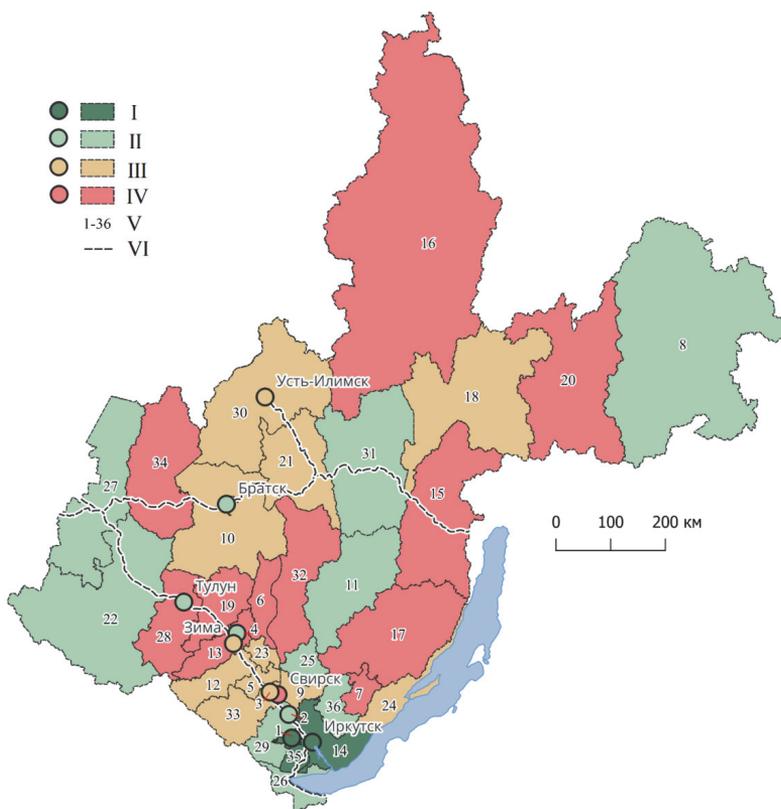

Рис. 3. Группы муниципальных образований Иркутской области по уровню социально-экономического благополучия в 2019–2022 гг. Группы (ранги): I – благополучная (более 150), II – относительно благополучная (115–150), III – стагнирующая (90–115), IV – отсталая и депрессивная (менее 90), V – муниципальные образования (обозначения см. на рис. 1). VI – железные дороги

В благополучной группе представлены единым ареалом всего лишь четыре МО юга области: Иркутск, Ангарск, Иркутский и Шелеховский р-ны. Все они непосредственно входят в состав растущей Иркутской городской агломерации. Очень примечательно полное совпадение состава данной группы с перечнем МО, отличающихся наиболее благоприятным ЭГП (при различных исходных индикаторах оценки уровня социально-экономического благополучия и степени благоприятности ЭГП). Крупнейший город и столица региона – Иркутск – отличается самым благоприятным экономико-географическим положением, развитой транспортной инфраструктурой, наличием финансовых структур, банков и фондов, значительного научно-образовательного потенциала. На постсоветском этапе региональная столица усилила финансово-экономические и административные функции, реструктурировала хозяйственный комплекс в сторону развития сферы услуг, интенсифицировала малый бизнес и торговлю. Пригородный Иркутский р-н находится в зоне непосредственного влияния областного центра, где сформировался фактически единый локальный рынок труда, в пределах которого совершается большой объем маятниковых поездок. Определенный уровень благополучия крупных индустриальных центров – Ангарска и Шелехова – поддерживается благодаря прибыльной работе экспортоориентированных отраслей промышленности – нефтеперерабатывающей, химической, алюминиевой.

Относительно благополучная группа объединяет 13 МО различных функциональных типов. Часть их прилегает к Иркутской городской агломерации (Усольский, Слюдянский, Эхирит-Булагатский р-ны и Усолье-Сибирское), часть относится к крупным индустриальным центрам (Братск и Саянск), часть представлена сравнительно успешными ресурсодобывающими районами – Бодайбинским, Усть-Кутским и Жигаловским. Сельские пригородные районы выживают за счет близости к городам, использования их как емких рынков сбыта продукции, сферы приложения труда, центров своего обслуживания. Наличие в этой группе Тайшетского р-на объяснимо значительными инвестициями и началом отдачи от них, Тулуна и Нижнеудинского района – эффектом масштабного восстановления после катастрофического наводнения. Присутствует здесь и обычный аграрный район (Осинский).

Стагнирующая группа содержит тоже 13 МО, которые чувствуют себя существенно хуже, чем города и районы предыдущих групп. Часть их держится «на плаву» вследствие развития целлюлозно-бумажной (Усть-Илимск), лесной и деревообрабатывающей (Усть-Илимский и Братский р-ны) промышленности, черной металлургии (Нижнеилимский р-н), нефтедобычи (Киренский р-н), туризма (Ольхонский р-н). Дополнительным поддерживающим фактором выступает наличие города (Черемхово и Зима). Общая черта аграрных и других районов этой группы – расположение их на юге региона в относительной близости к Иркутской городской агломерации (Черемховский, Аларский, Нукутский, Боханский, Заларинский).

Из 12 МО депрессивной и отсталой группы подавляющее большинство отличается неблагоприятным ЭГП: половина лишена железных дорог (Катангский, Мамско-Чуйский, Качугский, Баяндаевский, Балаганский и Усть-

Удинский р-ны), почти все они характеризуются удаленностью от крупных городов (кроме вышеперечисленных, это Казачинско-Ленский и Чунский, отчасти Зиминский, Куйтунский, Тулунский р-ны и Свирск). Районы в основной своей массе имеют малопродуктивную структуру экономики (сельское, лесное, промышленное хозяйство, местная промышленность и т. д.), хотя здесь также присутствуют МО со значительной нефтедобычей (Катангский), угледобычей (Тулунский), обрабатывающей промышленностью (Свирск). Если аграрные районы и ранее не имели высоких показателей и отставали от более успешных соседей (отсталые МО), то Мамско-Чуйский, Тулунский, Чунский р-ны и Свирск впали в депрессию уже на постсоветском этапе (депрессивные МО). Из-за невыгодного ЭГП и резкого сокращения государственной поддержки сельского хозяйства и других отраслей экономики МО данной группы в современных условиях выживают с большим трудом.

Взаимосвязи между ключевыми интегральными показателями МО.

Рассмотрим социально-экономическое благополучие МО с точки зрения воздействующих на него основных факторов, к числу которых отнесем величину ВМП и степень благоприятности ЭГП городов и районов.

Согласно корреляционным расчетам, рассмотренные интегральные показатели МО Иркутской области – величина их ВМП, степень благоприятности ЭГП, уровень социально-экономического благополучия, – на 19–43 % взаимообусловлены. Коэффициент ранговой парной корреляции между уровнем социально-экономического благополучия и величиной ВМП равен 0,65, уровнем благополучия и степенью благоприятности ЭГП – 0,66, что означает среднюю тесноту связи в обоих случаях. Получается, что уровень благополучия МО на 42 % объясняется величиной их ВМП и на 43 % – степенью благоприятности ЭГП (рис. 4). Следовательно, по значимости влияния на уровень социально-экономического благополучия МО факторы развития их экономики (или величина ВМП) и степени благоприятности ЭГП практически одинаковы.

Попробуем также выявить влияние на уровень социально-экономического благополучия МО их функциональных типов. Можно предположить, что этот уровень для МО ресурсодобывающего типа мало зависит от степени благоприятности ЭГП, поскольку добыча высокорентабельных ресурсов (нефть, газ, золото), как известно, позволяет преодолеть удорожающее влияние транспортных издержек. Действительно, более половины ресурсодобывающих районов отличается крайне неблагоприятным (Катангский и Мамско-Чуйский) или неблагоприятным (Бодайбинский, Жигаловский и Киренский) ЭГП. При исключении из расчетов МО ресурсодобывающего типа получаем, что взаимообусловленность рассматриваемых показателей возрастает до 53–64 %. Коэффициенты ранговой парной корреляции между уровнем социально-экономического благополучия, с одной стороны, величиной ВМП и степенью благоприятности ЭГП, – с другой, имеют одинаковые значения, равные 0,73, т. е. теснота связи увеличилась от средней до высокой. Если не учитывать ресурсодобывающий тип, то влияние на уровень социально-экономического благополучия МО факторов величины их ВМП и степени благоприятности ЭГП будет равноценным.

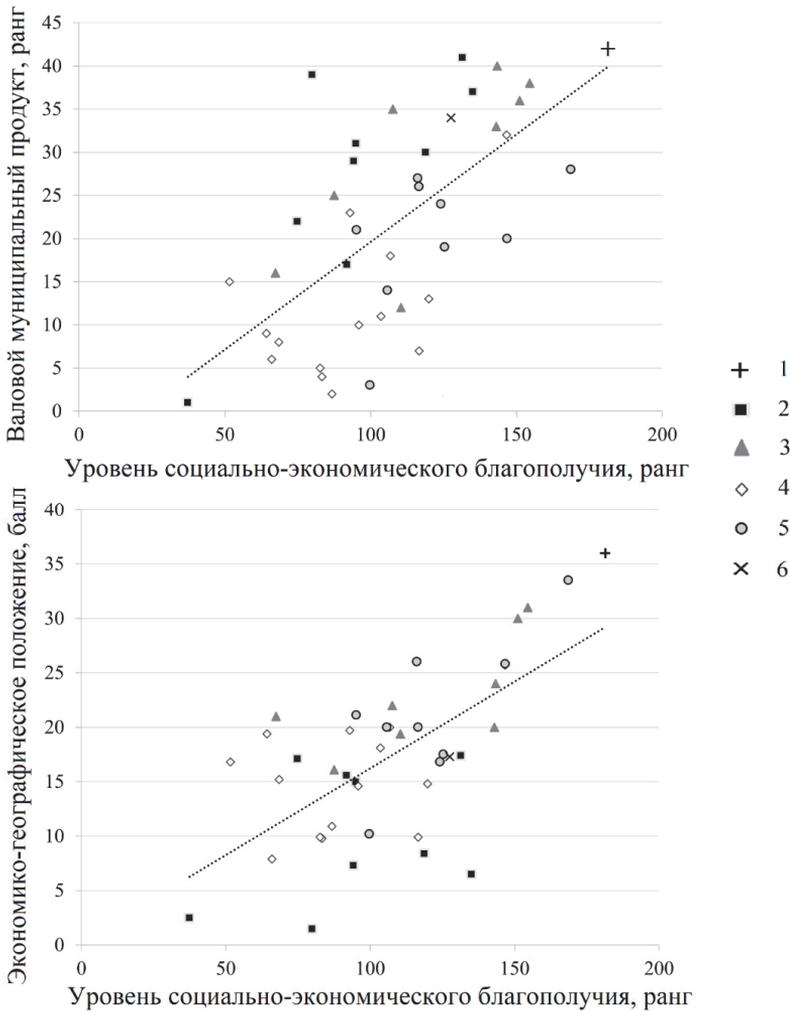

Рис. 4. Взаимосвязь уровня социально-экономического благополучия муниципальных образований Иркутской области с величиной их валового муниципального продукта и степенью благоприятности экономико-географического положения. Функциональные типы муниципальных образований: 1 – региональный центр, 2 – ресурсодобывающий, 3 – индустриальный, 4 – аграрный, 5 – сервисный, 6 – инвестиционный

Отсюда следует, что уровень социально-экономического благополучия ресурсодобывающих районов слабо зависит не только от степени благоприятности их ЭГП, но и от величины ВМП, что, видимо, связано главным образом с непропорционально большим изъятием доходов ресурсно-сырьевых предприятий в пользу федерального бюджета, российских столиц и/или зарубежных офшоров [Безруков, 2018]. В итоге бюджетно-финансовая отдача от добычи природных ресурсов для соответствующих МО сравнительно невелика, местные жители не могут получить рабочие места на предприятиях добывающей промышленности, из осваиваемых районов продолжается отток

населения, уровень его жизни не повышается. Показательным примером может служить Катангский р-н, который входит в лидирующую пятерку МО области (4-е место) по величине ВМП, но по уровню благополучия принадлежит к депрессивной и отсталой группе, занимая только 35-е место из 42 городских округов и муниципальных районов региона.

Проведенный корреляционный анализ показывает, что дифференцирующими факторами социально-экономического благополучия МО Иркутской области выступают величина их ВМП (развитость экономики), степень благоприятности ЭГП, функции (специализация хозяйства). При этом приоритетность двух первых факторов для выделенных функциональных типов МО будет различной, что требует дальнейшего углубленного анализа.

Заключение

Представленные результаты исследования могут быть структурированы на методические и аналитические.

В области методических результатов выделим формирование целостной системы количественной оценки неравномерности социально-экономического развития муниципальных образований, включая их типологию. Объектом исследования являются МО верхнего уровня – городские округа и муниципальные районы. Разработаны и успешно использованы следующие методики: классификации МО по величине ВМП, их функциональной типологии, балльной оценки степени благоприятности ЭГП, рейтинговой оценки уровня социально-экономического благополучия. Применение системы названных методик дает возможность реализации комплексного подхода к исследованию таких сложных объектов, как МО, обеспечивает их достоверную дифференциацию, позволяет выделять типы МО и проводить их проблемный анализ.

К аналитическим результатам отнесем следующие. Раскрыта связь величины ВМП МО со структурой их экономики. Показаны особенности формирования функциональных типов МО. Уточнено соответствие степени благоприятности ЭГП МО с их размещением относительно регионального центра и транспортных магистралей. Даны пояснения по индикаторам уровня социально-экономического благополучия МО и указано на относительность в ряде случаев полученных оценок. Установлены факторы, обусловившие распределение МО по группам различного уровня данного благополучия. С помощью корреляционного анализа определена теснота связи уровней социально-экономического благополучия МО с величинами их ВМП и степенью благоприятности ЭГП. Выявлено, что, во-первых, в совокупности факторов, определяющих благополучие МО, вклад географических факторов (степень благоприятности ЭГП) не уступает вкладу экономических факторов (величина ВМП); во-вторых, благополучие МО ресурсодобывающего типа в определенной мере от указанных факторов независимо.

Произошедшее на постсоветском этапе резкое увеличение межмуниципальных социально-экономических контрастов обусловлено целым рядом конкретных причин. К их числу можно отнести следующие: возникновение глубокого разрыва между прибыльностью экспорто- и внутреннеориентиро-

ванного секторов экономики вследствие влияния глобализационных процессов; непропорциональное повышение транспортных издержек и значимости транспортно-экономического фактора в целом, затруднивших хозяйственные связи; углубление центрo-периферической поляризации, существенно усилившей роль региональных столиц и агломераций как фокусов развития на фоне нишающей периферии; рост диспаритета цен между промышленной и сельскохозяйственной продукцией, ведущий к падению рентабельности сельскохозяйственного производства; появление принципиально различных возможностей получения неучитываемых доходов от теневой и неформальной экономики в различных типах населенных пунктов; ослабление роли государства в поддержке отсталых сельских, северных и труднодоступных районов и др.

Таким образом, сложившиеся на постсоветском этапе социально-экономические контрасты между МО Иркутской области можно считать аномальными. В большинстве данных образований преобладают неблагоприятные финансово-экономические, социальные и демографические тенденции. Квалифицируя такой аномально высокий уровень территориальной дифференциации однозначно негативно, следует стремиться к последовательному приближению параметров уровня жизни и экономического развития в худших (по этим параметрам) районах и городах как минимум к среднему уровню. Это невозможно сделать на базе лишь неких универсальных подходов политики модернизации – в основе должно лежать серьезное и всестороннее социально-экономическое обоснование, учитывающее типологические и индивидуальные особенности изучаемых территорий. Частью такого обоснования могут стать представленные выше результаты.

Список литературы

Безруков Л. А. Положение городских поселений Сибири относительно транспортных магистралей: делимитация, типология, динамика // Оценка современных факторов развития городов и урбанизационных изменений в Сибири / отв. ред. Л. М. Корытный, Н. В. Воробьев. Новосибирск : Гео, 2011. С. 29–42.

Безруков Л. А. Институциональный фактор межрегиональных диспропорций в России (на примере Сибири) // Региональные исследования. 2018. № 2. С. 79–89.

Вдовина В. А. Управление системой экономических отношений на муниципальном уровне : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Хабаровск, 2009. 22 с.

Глазырин М. В. Инновационный социально-экономический комплекс на уровне муниципального образования. М. : Наука, 2007. 307 с.

Держирукова Г. Г. Анализ бюджетов муниципалитетов Сибири и Дальнего Востока // Бюджет. 2018. № 10 (190). С. 65–67.

Иркутская область. Административно-территориальное деление. Иркутск : Упрполиграфиздат, 1984. 208 с.

Карта автомобильных дорог. Иркутская область. Иркутск : ВостСиб АГП, 2016.

Каспищкая Т. В. Региональный механизм сокращения различий в уровнях социально-экономического развития городских округов и муниципальных районов : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2015. 21 с.

Каючкин Н. П. Географические основы транспортного освоения территорий. Новосибирск : Наука, 2003. 167 с.

Колечков Д. В. Валовой муниципальный продукт в управлении экономикой (на примере Республики Коми) // Проблемы прогнозирования. 2014. № 5 (146). С. 132–139.

Пуляевская В. Л. Валовой муниципальный продукт как показатель оценки экономического потенциала районов и городов // Вестник НГУЭУ. 2012. № 3. С. 159–166.

Ромашина А. А. Типология муниципальных образований России по специализации экономики и положению в системе расселения // Региональные исследования. 2019. № 3. С. 42–52. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-3-4>

Руденко А. В. Система «центр – периферия» региона (на примере Республики Татарстан) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2008. 25 с.

Сумская Т. В. Бюджетная политика и местное самоуправление. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2010. 240 с.

Суржиков В. И. Экономико-географическое положение муниципальных образований как фактор развития их внешнеэкономической деятельности (на примере Приморского края) // Региональные исследования. 2014. № (43). С. 122–129.

Ткаченко А. А., Богданова Л. П., Щукина А. С. Оценка социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях: поиск адекватных подходов // Взаимодействие городских и сельских местностей в региональном развитии / под ред. Ю. Г. Липеца. М. : ИГ РАН, 2005. С.79–87.

Ткаченко А. А., Фомкина А. А. Агломерированное расселение: к проблеме идентификации и учета // Известия РГО. 2014. Т. 146, № 5. С. 48–56.

Центры экономического роста Российской Федерации на муниципальном уровне / П. А. Чистяков, А. А. Ромашина, А. Н. Петросян [и др.] // Вестник МГУ. Серия 5, География. 2020. № 4. С. 58–68.

Шарыбар С. В., Шефель В. Г., Миненок Н. Д. Валовой муниципальный продукт как показатель конкурентоспособности сельских территорий // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. Т. 42, № 11. С. 137–140. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2015.42.221>

Bailey S. J. Local Government Economics. Principles and Practice. London : MACMILIAN PRESS LTD, 1999. 360 p.

Bezrukov L. A., Dashpilov Ts. B. The transport-geographical location of Siberia's microregions: techniques and assessment results // Geography and natural resources. 2010. Vol. 31, N 4. P. 299–307.

Coetzee J. The transformation of municipal development planning in South Africa (post-1994): Impressions and impasse // Town and Regional Planning. 2012. Vol. 61. P. 10–20.

Considering regional socio-economic outcomes in non-metropolitan Australia: A typology building approach / S. Baum, M. Haynes, Y. V. Gellecum, J. Hoon Han // Papers in Regional Science. 2007. Vol. 86, N 2. P. 261–286.

Dagbaeva S. D-N., Mikhailova S. S. A Spatial Analysis of Unevenness in the Social-Economic Development of Regional Municipal Units // European Research Studies Journal. 2017. Vol. 20, N 2B. P. 46–65.

Development of municipal areas in Republic Mordovia / Y. A. Akimova, E. G. Kovalenko, A. V. Lebedev, I. S. Pinkovetskaia // Revista Amazonia Investiga. 2021. Vol. 10, N 48. P. 107–116.

Druzhinin P. The population of the European North: concentration in the capitals of the regions // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 2020. Vol. 539. P. 1–7. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/539/1/012082>

Florida R. The High Inequality of U.S. Metro Areas Compared to Countries. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2012-10-09/the-high-inequality-of-u-s-metro-areas-compared-to-countries> (date of access: 10.05.2024).

Hao H., Yehua D. W. The Spatial–Temporal Hierarchy of Inequality in Urban China: A Prefectural City–Level Study // The Professional Geographer. 2019. Vol. 71, N 3. P. 391–407.

Harasimova S. Typology of Municipalities as Basis for Marketing of Towns // Societas et Iurisprudentia. 2015. Vol. 3, N 4. P. 55–68.

Hertz D. Why Are Metropolitan Areas More "Equal" than Their Central Cities? (2015). URL: <http://cityobservatory.org/why-are-metropolitan-areas-more-equal-than-their-central-cities/> (date of access: 10.05.2024).

Isaksen A., Trippl M. Exogenously Led and Policy-Supported New Path Development in Peripheral Regions: Analytical and Synthetic Routes // Economic Geography. 2017. Vol. 93, N 5. P. 436–457.

Kuznetsova O. V. Contrasts in Budgetary Opportunities of City-Regions and City-Municipalities in Russia and the Experience of Germany // Regional Research of Russia. 2020. Vol. 10, N 4. P. 522–529.

Malizia E., Motoyama Y. The Economic Development–Vibrant Center Connection: Tracking High-Growth Firms in the DC Region // *The Professional Geographer*. 2016. Vol. 68, N 3. P. 349–355. <https://doi.org/10.1080/00330124.2015.1089129>

Markusen A. Sticky Places in Slippery Space: A Typology of Industrial Districts // *Economic Geography*. 1996. Vol. 72, N 3. P. 293–313.

Municipal development policy in Germany: Current trends, challenges and recommendations for further promotion / A. Beck, M. Bruder, E. Dick [et al.] // *DEval Policy Brief*. 2023. N 6. P. 1–4.

Ourednicek M., Nemeskal J. Methodological Approach: Concentric Zones of Prague and Typology of Municipalities in the Central Bohemian Region // *Prague and Central Bohemia: Current Population Processes and Socio-Spatial Differentiation*. Praha : Karolinum Press, 2022. P. 25–33.

Quality of government and economic growth at the municipal level: Evidence from Spain / M. T. Balaguer-Coll, I. Narbon-Perpina, J. Peiro-Palomino, E. Tortosa-Ausina // *Journal of Regional Science*. 2022. Vol. 62, N 1. P. 96–124.

Serageldin M., Jones D., Vigier F. Municipal financing and urban development. Nairobi : UN-HABITAT, 2008. 159 p.

Tabata S. The Contribution of Natural Resource Producing Sectors to the Economic Development of the Sakha Republic // *Sustainability*. 2021. Vol. 13, N 18. P. 1–16. <https://doi.org/10.3390/su131810142>

References

Bezrukov L.A. Polozhenie gorodskikh poselenii Sibiri otnositelno transportnykh magistralей: delimitatsiya, tipologiya, dinamika [Position of urban settlements of Siberia relative to transport highways: delimitation, typology, dynamics]. *Otsenka sovremennykh faktorov razvitiya gorodov i urbanizatsionnykh izmenenii v Sibiri* [Assessment of modern factors of urban development and urbanization changes in Siberia]. Ed. by L.M. Korytnyi, N.V. Vorobiev. Novosibirsk, Geo Publ., 2011, pp. 29–42. (in Russian)

Bezrukov L.A. Institutionalnyi faktor mezhregionalnykh disproportsii v Rossii (na primere Sibiri) [Institutional factor of interregional imbalances in Russia]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional research], 2018, no. 2, pp. 79–89. (in Russian)

Vdovina V.A. *Upravlenie sistemoi ekonomicheskikh otnoshenii na munitsipalnom urovne* [Management of the system of economic relations at the municipal level]. Cand. sci. diss. abstr. Khabarovsk, 2009, 22 p. (in Russian)

Glazyrin M.V. *Innovatsionnyi sotsialno-ekonomicheskii kompleks na urovne munitsipalnogo obrazovaniya* [Innovative socio-economic complex at the municipal level]. Moscow, Nauka Publ., 2007, 307 p. (in Russian)

Derzhirukova G.G. Analiz byudzhетov munitsipalitetov Sibiri i Dalnego Vostoka [Analysis of budgets of municipalities of Siberia and the Far East]. *Byudzhет* [Journal budget], 2018, no. 10 (190), pp. 65–67. (in Russian)

Irkutskaya oblast. Administrativno-territorialnoe delenie [Irkutsk region. Administrative-territorial division.]. Irkutsk, Uprpoligrafizdat Publ., 1984, 208 p. (in Russian)

Karta avtomobilnykh dorog. Irkutskaya oblast [Road map. Irkutsk region]. Irkutsk, VostSib AGP Publ., 2016. (in Russian)

Kaspshitskaya T.V. *Regionalnyi mekhanizm sokrashcheniya razlichii v urovnyakh sotsi-al'no-ekonomicheskogo razvitiya gorodskikh okrugov i munitsipal'nykh raionov* [Regional mechanism for reducing differences in the levels of socio-economic development of urban districts and municipal areas]. Cand. sci. diss. abstr. Moscow, 2015, 21 p. (in Russian)

Kayuchkin N.P. *Geograficheskie osnovy transportnogo osvoeniya territorii* [Geographical basis of transport development of territories]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2003, 167 p. (in Russian)

Kolechkov D.V. Valovoi munitsipalnyi produkt v upravlenii ekonomikoi (na primere Respubliki Komi) [Gross municipal product in economic management (on the example of the Komi Republic)]. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of forecasting.], 2014, no. 5 (146), pp. 132–139. (in Russian)

Pulyaevskaya V.L. Valovoi munitsipal'nyi produkt kak pokazatel' otsenki ekonomicheskogo potentsiala raionov i gorodov [Gross municipal product as a measure of estimation of economic potential of districts and cities]. *Vestnik NGUEU* [Bulletin of NSUEM], 2012, no. 3, pp. 159–166.

Romashina A.A. Tipologiya munitsipalnykh obrazovaniy Rossii po spetsializatsii ekonomiki i polozheniyu v sisteme rasseleniya [Typology of Russia municipalities by economic specialization

and status in settlement systems]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional research], 2019, no. 3, pp. 42-52. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-3-4> (in Russian)

Rudenko A.V. *Sistema "tsentr – periferiya" regiona (na primere Respubliki Tatarstan)* [The “center – periphery” system of the region (on the example of the Republic of Tatarstan)]. Cand. sci. diss. abstr. Moscow, 2008, 25 p. (in Russian)

Sumskaya T.V. *Byudzhetnaya politika i mestnoe samoupravlenie* [Budget policy and local government]. Novosibirsk, IEOPP SO RAN Publ., 2010, 240 p. (in Russian)

Surzhikov V.I. Ekonomiko-geograficheskoe polozhenie munitsipal'nykh obrazovaniy kak faktor razvitiya ikh vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti (na primere Primorskogo kraia) [Economic and geographical position of municipalities as a factor in the development of their foreign economic activity (on the example of Primorsky Krai)]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional research], 2014, no. (43), pp. 122-129. (in Russian)

Tkachenko A.A., Bogdanova L.P., Shchukina A.S. Otsenka sotsial'no-ekonomicheskoi situatsii v munitsipal'nykh obrazovaniyakh: poisk adekvatnykh podkhodov [Assessing the socio-economic situation in municipalities: searching for adequate approaches]. *Vzaimodeistvie gorodskikh i selskikh mestnostei v regional'nom razvitiy* [Interaction of urban and rural areas in regional development]. Eds. Yu.G. Lipetsa. Moscow, IG RAN Publ., 2005, pp.79-87. (in Russian)

Tkachenko A.A., Fomkina A.A. Aglomerirovannoe rasselenie: k probleme identifikatsii i ucheta [Agglomerated settlement: to the problem of identification and accounting]. *Izvestiya russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Russian Geographical Society], 2014, vol. 146, no. 5, pp. 48-56. (in Russian)

Chistyakov A., Romashina A.A., Petrosyan A.N. et al. Tsentry ekonomicheskogo rosta Rossiiskoi Federatsii na munitsipal'nom urovne. [Centers of economic growth of the Russian Federation at the municipal level]. *Vestnik MGU. Seriya 5, Geografiya* [Bulletin of Moscow State University. Series 5 Geography], 2020, no. 4, pp. 58-68. (in Russian)

Sharybar S.V., Shefel V.G., Minenok N.D. Valovoi munitsipalnyi produkt kak pokazatel konkurentosposobnosti sel'skikh territorii [Municipal gross product as an indicator of competitiveness of rural areas]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International research journal], 2015, vol. 42, no. 11, pp. 137-140. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2015.42.221> (in Russian)

Bailey S.J. *Local Government Economics. Principles and Practice*. London, MACMILIAN PRESS LTD Publ., 1999, 360 p.

Bezrukov L.A., Dashpilov Ts.B. The transport-geographical location of Siberia's microregions: techniques and assessment results. *Geography and natural resources*, 2010, vol. 31, no. 4, pp. 299-307.

Coetzee J. The transformation of municipal development planning in South Africa (post-1994): Impressions and impasse. *Town and Regional Planning*, 2012, vol. 61, pp. 10-20.

Baum S., Haynes M., Gellecum Y.V., Hoon Han J. Considering regional socio-economic outcomes in non-metropolitan Australia: A typology building approach. *Papers in Regional Science*, 2007, vol. 86, no. 2, pp. 261-286.

Dagbaeva S.D-N., Mikhailova S.S. A Spatial Analysis of Unevenness in the Social-Economic Development of Regional Municipal Units. *European Research Studies Journal*, 2017, vol. 20, no. 2B, pp. 46-65.

Akimova Y.A., Kovalenko E.G., Lebedev A.V., Pinkovetskaia I.S. Development of municipal areas in Republic Mordovia. *Revista Amazonia Investiga*, 2021, vol. 10, no. 48, pp. 107-116.

Druzhinin P. The population of the European North: concentration in the capitals of the regions. *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science*, 2020, vol. 539, pp. 1-7. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/539/1/012082>

Florida R. *The High Inequality of U.S. Metro Areas Compared to Countries*. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2012-10-09/the-high-inequality-of-u-s-metro-areas-compared-to-countries> (date of access: 10.05.2024).

Hao H., Yehua D.W. The Spatial–Temporal Hierarchy of Inequality in Urban China: A Prefectural City–Level Study. *The Professional Geographer*, 2019, vol. 71, no. 3, pp. 391-407.

Harasimova S. Typology of Municipalities as Basis for Marketing of Towns. *Societas et Iurisprudentia*, 2015, vol. 3, no. 4, pp. 55-68.

Hertz D. *Why Are Metropolitan Areas More “Equal” than Their Central Cities?* (2015). Available at: <http://cityobservatory.org/why-are-metropolitan-areas-more-equal-than-their-central-cities/> (date of access: 10.05.2024).

Isaksen A., Trippel M. Exogenously Led and Policy-Supported New Path Development in Peripheral Regions: Analytical and Synthetic Routes. *Economic Geography*, 2017, vol. 93, no. 5, pp. 436-457.

Kuznetsova O.V. Contrasts in Budgetary Opportunities of City-Regions and City-Municipalities in Russia and the Experience of Germany. *Regional Research of Russia*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 522-529.

Malizia E., Motoyama Y. The Economic Development–Vibrant Center Connection: Tracking High-Growth Firms in the DC Region. *The Professional Geographer*, 2016, vol. 68, no. 3, pp. 349-355. <https://doi.org/10.1080/00330124.2015.1089129>

Markusen A. Sticky Places in Slippery Space: A Typology of Industrial Districts. *Economic Geography*, 1996, vol. 72, no. 3, pp. 293-313.

Beck A., Bruder M., Dick E. et al. Municipal development policy in Germany: Current trends, challenges and recommendations for further promotion. *DEval Policy Brief*, 2023, no. 6, pp. 1-4.

Ourednicek M., Nemeskal J. Methodological Approach: Concentric Zones of Prague and Typology of Municipalities in the Central Bohemian Region. *Prague and Central Bohemia: Current Population Processes and Socio-Spatial Differentiation*, Praha, Karolinum Press Publ., 2022, pp. 25-33.

Balaguer-Coll M.T., Narbon-Perpina I., Peiro-Palomino J., Tortosa-Ausina E. Quality of government and economic growth at the municipal level. *Evidence from Spain. Journal of Regional Science*, 2022, vol. 62, no. 1, pp. 96-124.

Serageldin M., Jones D., Vigier F. *Municipal financing and urban development*. Nairobi, UN-HABITAT Publ., 2008, 159 p.

Tabata S. The Contribution of Natural Resource Producing Sectors to the Economic Development of the Sakha Republic. *Sustainability*, 2021, vol. 13, no. 18, pp. 1-16. <https://doi.org/10.3390/su131810142>

Сведения об авторах

Безруков Леонид Алексеевич
доктор географических наук,
главный научный сотрудник
Институт географии им. В. Б. Сочавы
СО РАН
Россия, 664033, г. Иркутск,
ул. Улан-Баторская, 1
e-mail: bezrukov@irigs.irk.ru

Абрамова Зинаида Владимировна
аспирант, кафедра географии, картографии
и геосистемных технологий
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: www.ab.zina@gmail.com

Information about the authors

Bezrukov Leonid Alekseevich
Doctor of Sciences (Geography),
Chief Research Scientist
V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS
1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033,
Russian Federation
e-mail: bezrukov@irigs.irk.ru

Abramova Zinaida Vladimirovna
Postgraduate, Department of Geography,
Cartography and Geosystem Technologies
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: www.ab.zina@gmail.com

Код научной специальности: 1.6.13

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 11.09.2024; принята к публикации 11.09.2024

The article was submitted July, 01, 2024; approved after reviewing September, 11, 2024; accepted for publication September, 11, 2024